

Состав русских идиом XIX в.: основные группы по динамике изменений

А. Н. Баранов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Д. О. Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Введение

Наука о языке в качестве своих важнейших задач видит поиск ответов на два вопроса: «как?» и «почему?» [Апресян 1966]. Для фразеологии — особенно если это фразеология ушедшей эпохи — ответить на первый вопрос еще можно, а второй почти никогда не находит ответа. Заимствования типа *не в своей тарелке*, *гадкий утёнок*, *белокурая бестия*, *буря в стакане воды*, разумеется, не в счет. Ответ на вопрос «как?» формирует традиционное описательное направление в исследовании языка. Применительно к фразеологии XIX в. речь может идти о выявлении групп устойчивых единиц — в нашем случае идиом, — которые характеризуют идиоматику этого периода в сопоставлении с современной. Здесь мы предлагаем выделить основные классы идиом XIX в. по различным параметрам: происхождению, изменениям лексического состава и семантики, а также другим характеристикам, интересным с точки зрения изучения динамики фразеологической системы, — в том числе возможным причинам исчезновения выражений из употребления.

Аня, которой мы с удовольствием посвящаем эту статью, активно занимается историей русского языка. Известны ее работы в области этимологической и исторической лексикографии, значительный вклад в создание «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Будем рады, если наша попытка внести какую-то ясность в историю русских фразеологизмов окажется ей интересна.

Основания предлагаемой классификации

Во фразеологии существуют различные классификации фразеологизмов — в том числе по единому параметру. Так, известны классификации по категориальной принадлежности (фразеологизмы-глаголы, фразеологизмы-существительные, фразеологизмы-прилагательные и др. [Жуков 1978; Кунин 1986]), по стилистической окраске (общелитературные, жаргонные, разговорные и проч. [Кунин 1986]). Однако ценность таких классификаций вызывает серьезные сомнения. В нашем случае из-за многофакторности объекта исследования — идиом XIX в.¹ — найти единый параметр классификации не представляется возможным. Важно, чтобы выделяемые классы были интересны с точки зрения соотношения идиоматики XIX в., с одной стороны, и идиом XX–XXI вв. — с другой. Очевидно, что гомогенная классификация по одному параметру не позволит решить задачу сопоставления идиом прошедшей эпохи с современными. Ниже предлагаются группы идиом, сформированные по следующим параметрам: изменение семантики, присутствие / отсутствие в узусе, дискурсивные характеристики, а также наличие или отсутствие соответствующей реалии в материальном мире. Кроме того, используется параметр общеупотребительности, на основании которого выделяются авторские идиомы. Использование разнородных параметров классификации приводит к тому, что одна и та же идиома может попадать в несколько групп.

По семантическому основанию выделяется группа идиом, которые при неизменной форме в XX в. изменили свое значение. Ср., например, идиому *на отлете*, употреблявшуюся в XIX в. не только в современных значениях ≈ ‘отставив от тела в сторону’ и ≈ ‘находясь в отдалении’, но и в значениях ‘в преклонном возрасте’ и ‘накануне отъезда’ (см. примеры ниже). Назовем фразеологизмы этой группы **идиомами измененной семантики**.

Близки к этой группе **идиомы с измененной внутренней формой**: их актуальное значение могло или остаться прежним, или модифицироваться. Например, идиома *поднять на зубок (кого-л.)* исчезла из современного языка, хотя есть *попасть(ся) на зубок (кому-л.)*. Замена глагола меняет как диатезу, так и образную составляющую, а соответственно, и актуальное значение.

По характеру устаревания можно выделить еще четыре группы фразеологизмов. Во-первых, это **уходящие идиомы**, т. е. такие, которые еще употребляются в современном языке, но частота их использования снижается, при этом носители языка в общем случае их хорошо понимают (например,

¹ В проекте описания идиоматики XIX в., выполняемом в ИРЯ РАН, хронологические рамки функционирования русского языка XIX в. продлены до начала Первой мировой войны, т. е. до 1914 г.

ходячая газета). Во-вторых, это **идиомы письменного дискурса XX–XXI вв.** Данная группа идиом выступает в качестве маркера образованных людей: они владеют некоторыми словами и выражениями, характерными для языка XIX в., но вряд ли используют их в обычном устном общении. Однако эти единицы вполне органичны для письменной речи этого микро-социума. Отметим, что подобная речевая практика не обязательно результат стилизации словоупотребления XIX в. (ср. ниже обсуждение идиомы *под высокую руку*).

В-третьих, выделяются **идиомы со старым кодом материальной культуры**, т. е. такие, во внутренней форме которых представлена ушедшая реальность или ее знаковое осмысление. Таковы, например, идиомы *под красную шапку* ‘в солдаты’ и *желтый билет* ‘в XIX в. — начале XX в. — документ, разрешающий официально заниматься проституцией’. Сюда же относится выражение в *сапогах ходить* в переносных значениях, связанных с достатком, обеспеченностью, богатством, высокой ценой и т. п. В последнем случае утрачена не столько сама реальность (сапоги носят и в XX, и в XXI в.), сколько осмысление сапог как символа богатства. В группу **ушедших идиом** входят выражения, которые не употребляются в современном дискурсе и не имеют аналогов по внутренней форме.

Наконец, еще одну группу идиом, выделяемых по параметру присутствия / отсутствия в узусе, составляют различные варианты одной идиомы. Ниже подробно разбираются некоторые характерные примеры изменения частотного распределения таких вариантов. Эту группу мы называем **идиомами с измененным статусом вариантов**.

Выделение таких групп фразеологизмов, как «уходящие идиомы», «идиомы письменного дискурса XX–XXI вв.», «идиомы со старым кодом материальной культуры», «ушедшие идиомы» и «идиомы с измененным статусом вариантов», основывается на сугубо прагматических факторах.

По другому основанию выделяются **авторские идиомы**, т. е. такие, которые, по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), встречаются только у одного автора. Ранее мы уже отмечали, что подобные формы не в полной мере относятся к сфере фразеологии, поскольку их узальность сильно ограничена (ср. [Баранов, Добровольский 2013: 188–204; 2024]). Следует иметь в виду, что статус авторской идиомы может меняться: если при расширении круга источников будут обнаружены употребления соответствующих форм у других авторов, ее авторский характер утрачивается. Характерным примером такого типа выражений может служить идиома Достоевского *водочка из Киева нешком пришла* ≈ ‘о хорошей водке’. Внутри группы авторских идиом выделяются идиомы **«отдельных персонажей художественного произведения»**, характеризующие речь героев. Эти две

последние группы в настоящей работе не рассматриваются, поскольку статус авторской идиомы требует отдельного подробного исследования.

Перейдем к обсуждению выделенных групп (за исключением авторских идиом).

Идиомы измененной семантики

Идиомы рассматриваемой группы демонстрируют другой набор значений по сравнению с современным употреблением. Так, идиома *на отлете*, кроме современных значений ≈ ‘отставив от тела в сторону’ и ≈ ‘находясь в отдалении’, использовалась также для передачи смыслов ‘в преклонном возрасте’ (1) и ‘накануне отъезда’ (2)–(3).

- (1) Между ними особенно памятни мне мадам Ксавье, женщина необыкновенно высокого роста, величественного вида, тогда уже *на отлете*, но сохранившая следы необыкновенной красоты (Ф. В. Булгарин. Воспоминания, 1846–1849).
- (2) Помнится, я писал тебе несколько слов, но помню также, что сам не считал это ответом, так как набрасывал второпях, именно несколько слов «*на отлете*» (В. Г. Короленко. Письма, 1892).
- (3) — А ведь Марфа Ивановна у нас гостит *на отлете*, — объяснял Кривополов, утирая свою калмыцкую образину фуляровым платком. — Угадай-ка, Глеб Клементич, куда она собралась! — Как, уезжает? — удивился благочестивый старец <...> (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золотая ночь, 1884).

Как и во многих подобных случаях, отсутствие идиомы в регулярном употреблении в XX в. не исключает возможности ее появления в речи отдельных носителей русского языка этого периода:

- (4) Тут лето наскочило, и пронесся слух, что Герасим Николаевич скончался. Ну, посудачили, посочувствовали... Однако лето... Актеры уж были *на отлете*, у них поездка начиналась... (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман), 1936–1937).

Весьма вероятно, что приведенный пример характеризует Булгакова как носителя языка, во многом сохраняющего особенности словоупотребления, свойственные языку XIX в.

Идиома *снова-здорово* (в том числе в формах *снова здорово*, *снова-здорово* и *снова здорова*), типичная для разговорной речи, в XX–XXI вв. используется в значении ‘выражение недоумения и недовольства неожиданным появлением проблемы, которая ранее, предположительно, была решена или потеряла свое значение с течением времени, в *форме повторного*

приветствия этой проблемы как *вновь пришедшего человека* [АСРФ]. Иными словами, контексты ее употребления относятся к повторному появлению чего-то неприятного для говорящего. В XIX в. она функционировала как форма дружеского приветствия (5)–(7) и могла характеризовать повторную реализацию нейтральных и даже позитивных событий (8)–(9).

- (5) Филицата: **Снова здорово**, соседushка! Пелагея Григорьевна Зыбкина: Здравствуй, Филицатушка! (А. Н. Островский. Правда — хорошо, а счастье лучше, 1876).
- (6) Я, конечно, обрадовался веселой встрече и тут же, в сенцах, поймал Наташу и сладко расцеловал, но она вырвалась, как птичка, и упорхнула в комнату, где сидел красный, как рак, Елизарыч и гребнем чесал свою голову. **Снова здорово**, Павел Елизарович! — сказал я, входя. Здорово-то здорово, — сказал дедушко, — а уж ты, дружище, успел — подколупнул да лизнул Наташку, — шутил Елизарыч (А. А. Черкасов. Из записок сибирского охотника. Ч 1, 1884).

Отметим, что в метатекстовых употреблениях говорящий раскрывает семантику приветствия *снова-здорово*, указывая на положительную оценку ситуации встречи:

- (7) Стриж первый. Итак, программа написана. Теперь остается поговорить собственно о статьях. Стриж седьмой! готово ли у вас приветствие к публике? Стриж седьмой (скромно). Я назвал свое приветствие: «**Снова здорово**». Песня эта должна изобразить радость молодого стрижа по случаю весеннего прилета птиц на старые гнезда. (Декламирует.) В темный день! В светлу ночь! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Литературные мелочи, 1864).

В приводимых ниже примерах повторяющиеся события характеризуются нейтральной или положительной оценкой (как правило, их трудно дифференцировать):

- (8) Умирали холоп или рабыня в доме — виноват был басурман; хворала домашняя скотина — хозяин-домовой не полюбил басурмана. Вынуждены были достать живого огня (растиранием двух кусков дерева, заметьте, вечером, когда в доме не засвечали еще ни одного огня и залит был тот, который оставался в печах): развели костер и заставили каждую скотину, перепрыгивая через него, очищаться от наваждения вражьего. Все жильцы каменных палат (разумеется, на боярской половине) приходили черпать из этого священного костра и зажигали в нем свои светочи. Новый живой огонь разбежался по дому и осветил его **снова здорово** (И. И. Лажечников. Басурман, 1838).

- (9) Вышне́вский. Господа! когда-то русские будут русскими? Ч е л я е в. Когда они на сто лет подвинутся назад и будут просвещаться и образовываться *снова-здорова*. Вышне́вский. Прекрасное средство! (М. Ю. Лермонтов. Станный человек, 1831).

Идиомы с измененной внутренней формой

Изменение внутренней формы при сохранении актуального значения возможно лишь в том случае, если новый образ (метафора) профилирует тот же смысл². Характерный пример такого типа — пара идиом *тихими стопами* (типичная для языка XIX в.) и *тихой сапой* (весьма частотная в современном употреблении). Ср. примеры (10)–(11) и (12).

- (10) а. Дело это *тихими стопами* делается, а не как иначе (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома. 1862).
 б. Пошел я к ним в дом и стал осторожно про себя узнавать, *тихими стопами*, и перво-наперво спросил: тут ли Миколай? (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866).
 (11) Переночевав на обратном пути в Клинцах же у какого-то старого плута-раскольника с мягкими словами и *тихими стопами*, я на обывательских отправился далее в Стародуб (И. С. Аксаков. Письма к родным, 1854).
 (12) И вот что интересно, так говорят не только мои противники, но и мои сторонники тоже. Они меня все время учат: Тише, тише, вы все не так делаете, вы нам только мешаете, вы уж лучше помолчите. Они считают, что все надо делать *тихой сапой*. (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру, 1976).

Различие метафор, лежащих в основе внутренней формы рассматриваемой пары идиом, очевидно: в идиоме *тихими стопами* представлена инструментальная метафора, связанная с передвижением в пространстве, а в идиоме *тихой сапой* — военно-инженерная, хотя также характеризующая пространственное перемещение (движение). Согласно Фасмеру, *сапа* в одном из значений — «траншея, стрелковый окоп» [Фасмер 2003: 558]. При этом обе метафоры профилируют одно и то же семантическое следствие: ‘незаметно, тайно сделать что-л.’. В случае инструментальной метафоры скрытность

² В когнитивной теории метафора в конкретных контекстах профилирует (коммуникативно выделяет) различные смыслы, содержание которых с формальной точки зрения представляет собой семантическое следствие [Лакофф, Джонсон 2008].

и незаметность обеспечиваются за счет бесшумной ходьбы, а в случае военной — за счет тайного подкопа. Соответственно, актуальное значение обеих идиом можно описать как ‘постепенно и не привлекая внимания (добиваться своих целей, часто отрицательно оцениваемых)’ [АСРФ]. Различие образов можно было бы отразить в словарных толкованиях. Однако, поскольку идиома *тихой сапой* для современного носителя не мотивирована с точки зрения образа, в словарном представлении уместен этимологический комментарий (как это и сделано в [Там же]: «От названия глубокого окопа, который прорывали в сторону неприятеля для скрытного продвижения войск»). Идиома же *тихими стопами*, будучи характерной для языка XIX в., обладает довольно прозрачной внутренней формой: ‘как бы бесшумно передвигаясь, осторожно переставляя стопы’.

Анализ материала основного корпуса НКРЯ показывает, что идиомы *тихими стопами* и *тихой сапой* обнаруживают дополнительное распределение по временному параметру (ср. рис. 1 и 2).

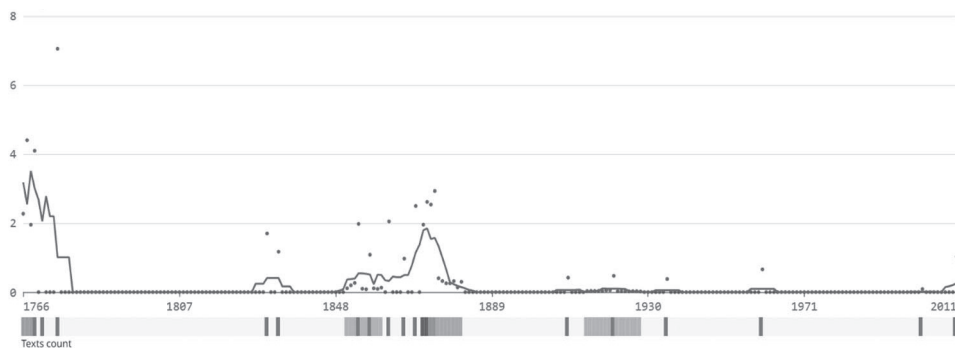

Рис. 1. Частотное распределение идиомы *тихими стопами* (по данным НКРЯ)

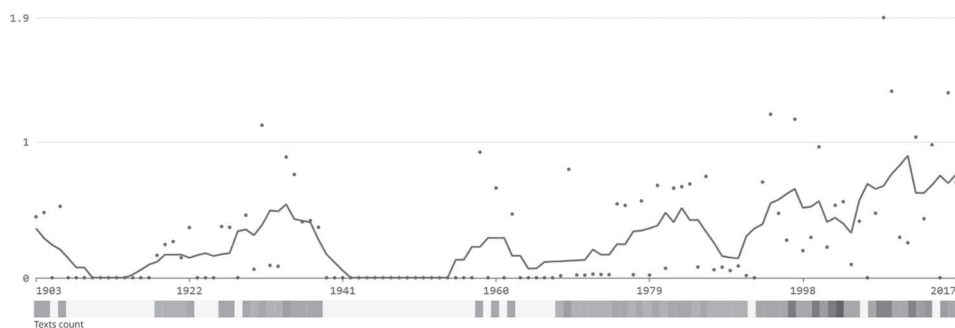

Рис. 2. Частотное распределение идиомы *тихой сапой* (по данным НКРЯ)

Из приведенных графиков видно, что основной период употребления идиомы *тихими стопами* приходится на середину XIX в.³ Активное использование в дискурсе идиомы *тихой сапой* начинается только в XX в. Отдельные контексты с идиомой *тихими стопами* встречаются и в XX–XXI вв. Однако анализ показывает, что это либо случаи стилизации под язык XIX в. (13)–(14), либо цитата (в данном случае из романа Достоевского «Идиот» — (15)), либо автором примера оказывается носитель языка, чья речевая практика сформировалась в XIX в. (16).

- (13) Радость, приходящая после смерти, подступала *тихими стопами*, обволакивала голову (Е. Чижова. Лавра // «Звезда», 2002).
- (14) К Раулю *тихими стопами* подкрадывалась старость, и он сделался по-стариковски брюзглив (А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции, 1960);
- (15) Будьте уверены, благодушнейший, искреннейший и благороднейший Лебедев, — вскричал левосторонний Лебедев в решительном вдохновении, — будьте уверены, что всё сие умрет в моем благороднейшем сердце! *Тихими стопами*-с, вместе! *Тихими стопами*-с, вместе! (О. Заровнятных. Густота // «Волга», 2011).
- (16) При этом он всякий раз почтительно уступал ей дорогу, так учтиво кланялся, так молчаливо и *тихими стопами* удалялся, что молодая женщина насторожилась. (Г. Д. Гребенщиков. Чураевы (роман-эпопея). Т. 2. Спуск в долину, 1921).

Особенность идиомы *тихими стопами* состоит в том, что она, в отличие от идиомы *тихой сапой*, имеет еще одно значение, которое можно описать как '(передвигаться) ногами, не вызывая шума и не привлекая к себе излишнего внимания' (ср. (17)–(19)):

- (17) *Тихими стопами* подошла к божнице, положила семипоклонный начал, приложилась к иконе Корсунской богородицы и дрожащими руками взяла ее (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая, 1875–1881).
- (18) Вслед за тем, когда духовник вышел от Паткуля, Никласзон *тихими стопами* вошел к нему и открыл, что преданные ему все приготовили к его спасению (И. И. Лажечников. Последний Новик, 1833).
- (19) Понимаю! — сказал Стрелинский с горькою усмешкою, между тем как холодный пот проступал на его сердце, и *тихими стопами* вышел из комнаты графини (А. А. Бестужев-Марлинский. Испытание, 1830).

³ Наблюдаемый на графике частотный всплеск в конце XVIII в. статистически незначим, поскольку репрезентативность корпуса текстов этого периода остается неясной.

Причина этого вполне понятна: образ в идиоме *тихими стопами* указывает на физическое передвижение ногами. Первое из рассмотренных значений, по-видимому, является производным от данного. У идиомы же *тихой сапой* из-за непрозрачности образа такое значение изначально отсутствовало, хотя слова *сапа* в значении ‘окоп’ и особенно *сапер*⁴ известны в русском языке с начала XVIII в. Очевидно, что сочетание *тихой сапой* высоко идиоматично, поскольку окоп как таковой не может характеризоваться по шкале силы звука (тихий — громкий). Следовательно, трудно предположить, что это выражение возникло изолированно, вне связи с другими языковыми фактами. Замена *тихими стопами* на *тихой сапой* в этом отношении вполне объяснима: одна идиома замещается другой. При этом нельзя утверждать, что это общий принцип исторического изменения фразеологизмов.

Почему словосочетание *тихими стопами* не сохранилось в значении ‘(передвигаться) ногами, не вызывая шума и не привлекая к себе излишнего внимания’, не вполне ясно. Впрочем, в большинстве случаев объяснить замену одних идиом другими, близкими по форме, но различающимися внутренней формой, не удастся.

Уходящие идиомы

Выше уже было отмечено, что существуют идиомы, которые легко понимаются носителями современного русского языка, но употребляются очень редко. Характерным примером идиом такого типа является фразеологизм *ходячая газета* — ‘о человеке, знающем все последние новости, даже несущественные с точки зрения практической жизни, и повторяющем формулировки прочитанных новостей’. В основном корпусе НКРЯ эта идиома представлена всего двумя контекстами XX в. (при отсутствии вхождений в подкорпусе XXI в.), хотя в XIX в. в том же корпусе зафиксировано девять употреблений. Такое, казалось бы, незначительное с точки зрения статистики количество вхождений (2 и 9 соответственно) мало что доказывает, однако для фразеологии это типичная ситуация.

- (20) а. Но ни феодалы, ни церковь не могли обойтись без них, так как они были своеобразной «ходячей хроникой», «*ходячей газетой*», без них не обходились придворные торжества, религиозные праздники, ярмарки, народные гуляния (Е. Т. Яковлев. Эстетика, 1999);

⁴ Слово *сапер* представляет собой заимствование из французского языка *sapeur*, которое, в свою очередь, является производным от глагола *saper* ‘рыть окопы’ и существительного *sape* ‘окоп, траншея’ [Черных 1999].

б. Он лишен жизни», «он *ходячая газета*» — обижались критики — «он говорит одними лозунгами» (А. Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / Первая книга о толстяках, 1958–1968).

- (21) а. Пока другие корпят за работой в канцеляриях и конторах, он собирает материалы для *ходячей газеты*, которая, в его лице, появляется в определенные часы дня на Невском и бесплатно сообщает новости дня (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни, 1886–1887);
 б. Раз в половине июня лицейский доктор Пешель, который, как *ходячая газета*, разносил аккуратно каждый день по Царскому Селу самые свежие вести обо всем, совершающемся на белом свете, ворвался впопыхах в лицейскую столовую и разразился над обедавшими воспитанниками громоносною новостью (В. П. Авенариус. Отроческие годы Пушкина, 1886).

К числу уходящих идиом относятся также выражения *от века* и *турусы на колесах* в контекстах типа *судьбы людских душ от века предопределены* и *некогда мне с тобой турусы на колесах разводить*.

Идиомы письменного дискурса XX–XXI вв.

Функционально близки к предшествующей группе идиомы письменного дискурса XX–XXI вв. Такие единицы характерны для речи образованных людей, нередко с филологическим уклоном. Они не вполне уместны в устной речи, но в текстах их появление вполне естественно. Разумеется, мы не можем представить убедительных доказательств того, что эти формы служат маркером письменной речи данного микросоциума, — для этого потребовалось бы специальное социологическое исследование на репрезентативной выборке носителей указанной группы. Наше утверждение основано скорее на интуиции, которая, однако, представляется нам обоснованной, поскольку подтверждается примерами, авторами которых являются весьма образованные люди:

- (22) Прошло уже два месяца после беседы с прокурором и передачи меня опять *под высокую руку* НКВД (Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки, 1934–1944).
 (23) Окружающий мир, не виданный еще никем из европейцев, только что принятый Маклаем *под высокую руку* науки, требовал распознавания и учета (Л. К. Чуковская. Н. Н. Миклухо-Маклай, 1952).
 (24) Не так давно Луначарский раскаялся в прежнем своем покровительстве футуризму и взял *под высокую руку* некоего Островского (Е. И. Замятин. О сегодняшнем и о современном, 1924).

Автор примера (22) — известный русский и советский литературовед, социолог, писатель и публицист. Лидия Чуковская (23) и Евгений Замятин (24) в особом представлении не нуждаются.

К этой группе относятся многие библеизмы, в частности идиома *гробы повапленные*:

- (25) а. Город с его домами, памятниками, петербургскою красотой кажется *гробом повапленным*, а люди — мертвецами, еще не успевшими залезть в гробы (С. И. Вавилов. Дневники, 1939–1940);
б. Да, да, он кимвал звучащий, он *гроб повапленный*, и не ему вести за собой полуязыческую паству! (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4, 1928–1933);
в. Те, кто толкуют о его беспомощности или обвиняют автора в плагиате, есть *гробы повапленные* и духовные недотыкомки (Валерий Сердюченко. «Как закалялась сталь» как роман о любви (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 14.12.2003).

Идиомы со старым кодом материальной культуры

Как уже отмечалось, в идиомах данной группы во внутренней форме и лексической структуре представлена ушедшая реалья или ее знаковое осмысление. Так, в идиоме *под красную шапку* ‘в солдаты’ номинация *красная шапка* обозначает головной убор, который в XVIII–XIX вв. выдавался рекруту при поступлении на солдатскую службу. С. В. Максимов в связи с этим пишет: «Надевали шапку не красную, а лишь такую, которая не имела козырька, но в старину действительно всякий сдатчик, ставивший за себя рекрута, обязан был снабдить его красной шапкой, бердышом и прочим» [Максимов 1955: 344]. Ср.:

- (26) а. Если удостоите чести выбрать в секунденты, то за вас готов и *под красную шапку*; затем и искал вас, князь (Ф. М. Достоевский. Идиот, 1869);
б. В этом нескладном потоке шутовских слов она поняла только одно: что перед нею стоит человек, которого при первом же случае надлежит *под красную шапку* упечь (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина, 1887–1889).

Идиома *желтый билет*, обозначавшая официальный документ, разрешавший заниматься проституцией, также является примером исчезновения самой реалии. Несколько иная ситуация с идиомой в *сапогах ходить*:

- (27) Да полно, нынече и винцо-та в *сапогах ходит*: экое времечко; вот до чего дожили; и своего вина нельзя привезть в город: пей-де вино

государево с кружала да делай прибыль откупщикам (Н. И. Новиков. Живописец. Третье изд. 1775 г. Ч. I, 1775).

- (28) <...> несмотря на то что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет! Деловитость в *сапогах ходит* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866).
- (29) Я, например, ничего не нашел ответить Хомякову, когда он, похвалив эти фальшивые ноты, заметил: «Хоть бы вы растолковали редактору, что он *ходит в сапогах* потому только, что у него есть подписчики на «Отечественные записки», а не будь у него подписчиков на «Отечественные записки», и он недалеко бы ушел от лапотника» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, 1882).

Каждый из приведенных примеров иллюстрирует различные значения идиомы в *сапогах ходить*: (27) ≈ ‘о чем-то дорогостоящем’, (28) ≈ ‘о чем-то редком’, (29) ≈ ‘иметь достаток’. В отличие от *желтого билета*, сама реальность здесь (как и в случае *красной шапки*) осталась. Изменился, однако, код материальной культуры: сапоги перестали быть знаком достатка, а красная шапка никак не связывается с воинской службой.

Ушедшие идиомы

Данная группа представляется одной из наиболее интересных с точки зрения изучения процессов развития русской фразеологии. Выше мы уже определили критерии отнесения идиом к этой группе: они 1) не употребляются в современной речи (за исключением случаев цитирования и стилизации) и 2) не имеют аналогов по образной составляющей значения. Сложность изучения ушедших идиом состоит в том, что из-за внутренней формы (часто непрозрачной для носителя современного русского языка) и ограниченного количества контекстов по большей части не представляется возможным сформулировать точные семантические описания. Тем не менее само выявление таких идиом и корпус иллюстративных примеров дают общее представление о значении и употреблении этих единиц. Характерный пример идиомы такого типа — выражение *какова пора ни мера*, в котором образ основывается на идее ‘меры’, но из-за очень общей семантики этой категории (ср. [Сепир 1985]) актуальное значение данной идиомы непрозрачно. Можно лишь по имеющимся употреблениям предположить, что оно соответствует чему-то вроде ‘на всякий случай, по крайней мере’.

- (30) а. А я, между прочим, твердо в своем сердце положил: *какова пора ни мера*, а во всяком случае десять тысяч накопить и на родину вернуться (М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия, 1877–1883);

б. Я на всякий случай все ломбардные билеты на имя неизвестного перевел, чтоб *какова пора ни мера*, все-таки Лиза не без куска хлеба будет (В. Ф. Одоевский. Живой мертвец, 1844).

В идиомах *протереть глаза денежкам* и *много-много если* внутренняя форма более прозрачна, что позволяет достаточно точно реконструировать их семантику на основе контекста: ‘много и бесцельно тратить’ и ‘в лучшем случае’ соответственно (ср. примеры (31) и (32)):

(31) **а.** Нешто Никандр на такие деньги рассчитывал? Ну и *протрет* он *глаза денежкам*. Ты, коли так, сыну ничего не оставляй; коли знаешь, говорю, что за человек (И. С. Рукавишников. Проклятый род, 1912);

б. <...> в Питере дело было, хоть тоже слыхали, что из-за денег все вышло: он думал так, что маменька богата, не пожалеет для него, взял да казенным *денежкам глаза* и *протер*, а выкупу за него не сделали (А. Ф. Писемский. Старая барыня, 1857).

(32) **а.** *Много-много если* она отвечала на них стереотипною фразой (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы, 1875–1880);

б. Но и это утешение отнято у меня; на завод не станешь ездить каждый день; *много-много если* раз в неделю заглянешь (И. А. Гончаров. Письма, 1842–1859).

Менее очевидный для семантической реконструкции пример данной группы — идиома *за добра ума*:

(33) **а.** Нет, лучше всего его *за добра ума* выпроводить отсюда, хоть не туда... не совсем домой, потому что он там под судом, а... (Н. С. Лесков. Захудалый род, 1874);

б. Уберусь-ка, *за добра ума*, поскорей домой и завтра чем свет пошлю за Николаем Ивановичем: авось он придумает что-нибудь?.. (М. Н. Загоскин. Три жениха, 1837).

На основе обнаруженных примеров тем не менее можно реконструировать для данной идиомы следующее значение: ‘в результате размышления сделать что-то, чтобы избежать худшего развития событий’.

Идиомы с измененным статусом вариантов

Вариантное разнообразие идиом — характерная особенность фразеологической системы. Формально идиому в ее различных вариантах можно представить как множество. Очевидно, что множество вариантов идиомы неоднородно с точки зрения узуальности ее отдельных элементов. Иными

словами, одни элементы употребляются в определенный момент времени чаще, а другие — реже. Назовем те элементы множества вариантов, которые употребляются заведомо реже, периферийными. Так, в паре вариантов *как на иголках* — *как на иглах* вариант *как на иголках* оказывается более употребительным в языке XIX в. (83 употребления в основном корпусе НКРЯ), чем вариант *как на иглах* (5 употреблений). Соответственно, идиома *как на иглах* оказывается периферийным вариантом в двухэлементном множестве {*как на иголках*, *как на иглах*}.

Отметим также, что термин «центральный элемент» — в противопоставлении периферийному — представляется нам неудачным, поскольку идиому *как на иголках* странно было бы считать центральным элементом при любом разумном понимании «центральности»: во фразеологии есть и более частотные, и менее частотные идиомы. Понятно, что идиома *как на иголках* более употребительна, чем ее вариант *на иглах*. Таким образом, идиомы, противопоставленные периферийным, мы в дальнейшем называем непериферийными.

Теоретически статус периферийности в процессе развития языка может меняться как в сторону полного исчезновения (вытеснения) периферийной единицы, так и в сторону расширения ее функционирования. В только что разобранном случае периферийный вариант де факто полностью вышел из употребления. Анализ корпуса показывает, что идиома *как на иглах* представлена в подкорпусе в XX–XXI вв. лишь одним примером, причем в функции лексикографической иллюстрации значения слова с отсылкой к примерам из художественной литературы XIX в.:

- (34) В выражениях: иглы сатиры, остроумия и т. п., быть, сидеть, лежать и подобные (*как*) *на иглах* и т. д., и т. д. Суть вопроса во всех этих случаях состоит в том, сохраняется ли в них образ именно швейной иглы (Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии, 1940).

Другой пример развития периферийных элементов демонстрирует пара выражений *рехнуться ума* и *рехнуться умом*. Первый элемент следует рассматривать как непериферийный в XIX в. (17 вхождений), который затем ушел на периферию русской идиоматики — всего 6 вхождений в XX–XXI вв. (ср. примеры (35) и (36)). Форма *рехнуться умом* обнаруживает обратное развитие: в XIX в. зафиксировано всего два примера (из одного произведения одного и того же автора), а в XX–XXI вв. — уже 12 (ср. (37) и (38) по двум рассматриваемым периодам соответственно):

- (35) Да что это вы, господа, совсем *ума*, что ли, *рехнулись*? (Н. С. Лесков. Железная воля, 1876).
 (36) А когда я почитал проекты писем Брежнева и памятки для бесед, — *ума рехнулся* (А. С. Черняев. Дневник, 1976).

(37) Полно вам, сударыня, егозить! Что вы это как *умом рехнулись*?

Атуева (А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, 1855).

(38) Батю твоего ругал. Дед — он уж *умом рехнулся*! Теперь твой черед (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья, 1928–1940).

Здесь обнаруживается еще один интересный вариант развития, связанный с взаимодействием фразеологии и обычной лексики. В XIX в. глагол *рехнуться* в значении ‘сойти с ума’ предполагал наличие контекста, в котором речь идет о когнитивной способности человека:

(39) Он бросился к ней, схватил в охапку и, подняв вверх, спросил: «Что сделалось с тобой, милая девушка?» Она вместо ответа захохотала, прижалась к нему и сказала тихо: «Где я?» Тут все ясно поняли, что бедная Аннушка *рехнулась* (В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова, 1814).

Такая особенность семантики глагола *рехнуться* поддерживала его сочетаемость с существительным *ум* в разных морфосинтаксических вариантах. Как показывают примеры из корпуса текстов, в современном языке значение глагола стало более автономным в том смысле, что ссылка на способность мыслить оказалась излишней. Ср. характерный пример:

(40) Дома его ждали жена и дети, а он вдруг *рехнулся* и сошелся с этой страшной, костлявой, как смерть, старухой (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1, 1964).

Идея неадекватного поведения передается в приведенном примере самим глаголом *рехнуться* без какой-либо контекстной поддержки. В этом можно видеть причину перехода некоторых вариантов с компонентом *рехнуться* (*ума рехнуться*, *с ума рехнуться*, *в уме рехнуться*) в сферу периферии или даже их полного исчезновения. Особая сложность изучения исторического развития вариантных идиом заключается именно в том, что их взаимодействие с обычной лексикой оказывается настолько тесным, что изолированное исследование употребления идиом в разных вариантах вряд ли даст объективную картину. Между тем само выявление однословных вариантов оказывается непростой задачей.

* * *

Разобранный материал показывает, что фразеологическая система находится в постоянной динамике. Описание идиоматики русского языка XIX в. представляет собой нетривиальную и интересную задачу, решение которой должно основываться на репрезентативных корпусах текстов, а также предполагает использование современного инструментария лингвистической

семантики. Интуиция исследователя, хотя и необходима, тем не менее не всегда позволяет достичь желаемого результата. Очевидно, что некоторые фрагменты фразеологической системы языка XIX в. безвозвратно утрачены. Тем более значимой оказывается задача научного описания доступного речевого материала.

Литература

- Апресян 1966 — Ю. Д. *Апресян*. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М., 1966.
- АСРФ 2020 — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
- Баранов, Добровольский 2013 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Основы фразеологии (краткий курс). М., 2013.
- Баранов, Добровольский 2024 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Авторские особенности идиоматики в художественных текстах XIX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 11–22.
- Жуков 1978 — В. П. Жуков. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
- Кунин 1986 — А. В. Кунин. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
- Лакофф, Джонсон 2008 — Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2008.
- Максимов 1955 — Крылатые слова по толкованию С. Максимова / Предисл. и примеч. Н. С. Ашукина. М., 1955.
- Сепир 1985 — Э. Сепир. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. С. 43–78.
- Фасмер 2003 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 2003.
- Черных 1999 — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип. Т. 2. М., 1999.